

XX вв. протестное рабочее движение являлось одним из сигналов к “моральному выбору” государственной элиты во главе с царём: или революция (“Верхи” её опасались, конечно, представляя ещё смутно её размах), или решение проблемы с помощью реформ, утверждавших равное отношение к правам и законам всех слоёв общества» (с. 445).

Некоторые недочёты отнюдь не снижают значения проделанной авторами работы. Так, в монографии говорится, что впервые в России всеобщие городские стачки прошли в 1899 г. в Варшаве, Либаве и Риге (с. 85). Однако ещё 2–6 мая 1892 г. в Лодзи состоялась всеобщая городская стачка с участием свыше 30 тыс. рабочих, в ходе подавления которой несколько человек было убито и около 300 ранено. 6 мая город был объявлен на военном положении<sup>2</sup>. Нижний Тагил обозначен в книге как город (с. 207), хотя он стал таковым только в 1919 г.<sup>3</sup> Возможно,

следовало бы дать сквозную нумерацию таблиц.

В целом же рецензируемая монография является крупным вкладом в историографию не только рабочего, но и всего общественного движения России на рубеже XIX–XX вв. На более высоком научном уровне, с применением новых методик и подходов, она продолжает традиции отечественной историографии в изучении рабочего класса страны.

**В.А. Скубневский**

## Примечания

<sup>1</sup> Сахаров Л.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времён до наших дней. Т. 2. М., 2008. С. 254–255, 262.

<sup>2</sup> Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. III. Ч. 2. М., 1952. С. 154–167.

<sup>3</sup> Города России: энциклопедия. М., 1994. С. 301.

## **М.Г. Кулешин, П.Г. Немашкалов. Межкультурный диалог славянского и горского населения Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX в. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. 204 с.**

Проблема межкультурного диалога приобрела особую актуальность после того, как на Западе заговорили о крахе политики мультикультурализма, а у нас на все лады бросились это повторять – кто с сожалением и грустью, а кто с радостью и злорадством. Поэтому попытка М.Г. Кулешина и П.Г. Немашкалова раскрыть исторические аспекты межкультурного диалога на Кавказе представляется важной и интересной. Впрочем, сам термин *межкультурный диалог* нельзя не признать весьма расплывчатым. Не совсем ясно, что под ним подразумевают и авторы, которые не дали своего определения этого понятия. Судя по содержанию монографии, они включают в него достаточно широкий круг социальных явлений. Разделы книги посвящены становлению российской системы управления в регионе, кавказцам на службе в русской армии, сопротивлению горцев имперским порядкам (в авторской концепции это, надо полагать, также форма межкультурного диалога),

образовательной политике правительства, служившей средством вовлечения горцев в социокультурное пространство России, взаимовлияниям в материальной культуре и хозяйственной жизни и т.д. Для того, чтобы снять у читателя возникающее порой недоумение, было бы лучше дать авторское определение ключевого объекта исследования.

Во второй половине XIX в. межкультурный диалог славянского и горского населения проходил, во всяком случае, свои первые этапы при достаточно сложных исторических обстоятельствах, связанных с ещё не преодоленными последствиями Кавказской войны. Однако Кулешин и Немашкалов не уделяют этому большого внимания, да и само значение Кавказской войны они призывают рассматривать в контексте цивилизационного соперничества Востока и Запада и «не сводить только к решению военно-оперативных задач, столкновению России и горских народов на конфессиональной основе, колониаль-

ной политики самодержавия на Кавказе, политики геноцида горских народов и выселению их в Османскую империю» (с. 4). Между тем именно эти аспекты необходимо было проанализировать в первую очередь для освещения основного сюжета книги.

Авторы не скрывают своей убеждённости «в цивилизационном разрыве местных народов и России», который «быстро нарастал в пользу последней» (с. 5). В их монографии этот разрыв предстаёт почти непреодолимой пропастью, а Кавказ порой описывается как регион, фактически находящийся на доклассовой стадии развития. «В начале XIX в., – пишут Кулешин и Немашкалов, – в недрах ряда горских обществ происходили глубинные изменения, связанные с переходом от родоплеменных к раннефеодальным отношениям» (с. 30). То и дело авторам видятся на Кавказе какие-то «племена» (с. 56, 79), горцы, по их представлениям, жили в «забытых историей захолустьях» (с. 181). Однако при всей многоукладности социально-экономическое положение народов Кавказа находилось совсем на другом уровне, хотя авторы, конечно, правы в том, что социокультурный фактор («цивилизационный разрыв», если воспользоваться их определением) сыграл весьма драматическую роль в межкультурном диалоге на Кавказе.

Это выразилось прежде всего в непонимании царской администрацией специфики Кавказа, в тотальной уверенности в том, что все преобразования в крае несут туземцам бесспорное благо, выгоды которого по своей первобытной дикости местные «племена» не понимают, а потому их настроения по большому счёту можно игнорировать. Кулешин и Немашкалов очень точно отразили эти настроения правительства, проводившего «целенаправленную политику по формированию среди горцев имперской идентичности и сознания» (с. 103). В соответствии с ней все культурные импульсы имели одностороннюю направленность и вполне определённые цели, которые ёмко сформулировал кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич: «устранение национальных и религиозных разнообразностей, слияние одновременно присоединённого к

империи края с общим государственным строем» (с. 105).

Идеология и методы данной политики приводили к немалым издержкам, что особенно остро проявилось в трагических событиях восстания 1877 г. и, между прочим, в таком явлении, как абречество, которое анализируется авторами в разделе «Формы сопротивления горцев имперским порядкам». Полемизируя с рядом историков, Кулешин и Немашкалов отрицают прямую связь абречества с имперскими реформами на Кавказе, считая, что «“разбойничество” как форма насилия сохраняло немало дореформенных черт» (с. 90). Однако сами авторы верно отметили, что ряды абреков пополнялись в основном выходцами «из деклассированных представителей бывших военных сословий горцев» (с. 90). Но ведь процессы деклассирования и были обусловлены ломкой традиционной социальной структуры горских обществ, деформировавшейся и уничтожавшейся в ходе проводившихся в крае реформ.

Самые интересные разделы монографии посвящены реальным процессам этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния славянского и горского населения Кавказа во второй половине XIX в. Одним из проявлений этого процесса Кулешин и Немашкалов считают военную службу кавказцев в императорской армии. Особенно показательной, по мнению авторов, была судьба тех горцев, которые с малолетства воспитывались в военных учебных заведениях, где «российская военная элита и администрация учреждений старались приобщить их к передовой европейской культуре». Возвращаясь домой офицерами, они «имели полезное влияние в регионе» (с. 51, 52). Можно, конечно, усомниться в том, что эти учреждения были рассадниками «передовой европейской культуры», однако социализировавшиеся в Петербурге горцы действительно приносили на родину новые поведенческие и мировоззренческие стандарты – и сейчас многие народы Кавказа гордятся «своими» генералами и офицерами, верно служившими трону и общему Отечеству. Ещё большее значение имело расширение образовательного пространства (создание горских школ, а затем

училищ и гимназий). Постепенно в него вовлекалось всё большее число представителей местных народов. Обучение на русском языке усиливало его роль в межкультурном общении, что в свою очередь ускоряло политическую и культурную интеграцию региона в общероссийский государственный организм.

Однако наиболее важным для межкультурного диалога было взаимодействие на низовом, общинном уровне. Коренные этнодемографические изменения в регионе привели к тому, что группы славянского и горского населения стали жить в близком соседстве, рядом, порой чересполосно. Это сделало естественным и неизбежным соприкосновение и взаимовлияние их бытовых устоев в самых разных сферах жизнедеятельности. Судя по приведённым в книге данным, основной поток заимствований воспринимался аборигенными культурами, однако в ряде случаев русские также являлись реципиентами. При этом если кавказцы перенимали преимущественно новации в области ведения хозяйства и производственных

отношений, то славяне усваивали прежде всего поведенческие нормы и традиции (куначество, местные формы гостеприимства, черты семейного уклада) и те элементы быта, которые соотносились с престижным кавказским молодецеством и удалством (черкеска, холодное оружие и т.д.).

В результате в регионе начала складываться своеобразная симбиотическая славяно-кавказская культура, которая была одинаково близка и понятна обеим группам населения. Несмотря на имевшиеся сложности взаимоотношений, она стала основой для дружбы и сотрудничества, характеризовавших горско-славянское соседство на Кавказе. В последнее время начали звучать рассуждения о «ментальной несовместимости» русских и кавказцев, о невозможности их совместного проживания в пределах одного государства, об исконном противостоянии их культур. Монография М.Г. Кулешина и П.Г. Немашкалова является достойной опровержением этим безответственным заявлениям.

Ю.Д. Анчабадзе

**В.Л. Кожевин. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2011. 260 с.**

На рубеже XX–XXI вв. в российской историографии произошло становление новой научной отрасли – военно-исторической антропологии<sup>1</sup>. Этой исследовательской парадигме следует в своей книге и В.Л. Кожевин. По его словам, «данная дисциплина занимается исследованием всего многообразия человеческого опыта, индивидуального и коллективного мышления и поведения, содержание и характер которых обусловлены социокультурным контекстом войн и вооружённых конфликтов» (с. 9). При этом «феномен войны... оказывается своего рода призмой, через которую исследователь пытается бросить взгляд на всю историю человеческой культуры». Сам же «означенный подход предоставляет хороший шанс всесторонне и системно объять мир человека, приблизившегося к той черте, за которой остаётся только смерть» (с. 10). По справедливому

утверждению автора, «тот, кто участвовал в войнах или просто активно готовился в будущем стать военным, через какой-то срок приобретал качества, отличавшие его от штатского человека. Особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения выделяют военных из общей массы людей. Таким образом, военно-историческая антропология задаёт угол зрения, обусловленный признанием особого типа личности, сформированного войной» (с. 10). С этих позиций Кожевин и рассматривает судьбу российского офицерства на трагическом и переломном этапе истории Отечества. Главным объектом его исследования является «система ценностей офицерства в контексте его общественно-политической активности, фронтового и тылового быта», а «важнейшим результатом выступает реконструкция интегральной карти-